

— Не уходи, — Наташа остановила Каренину, прежде чем та успела открыть дверь. Ксюша молча посмотрела Бородиной в глаза. Ее взгляд ничего не говорил. Он был, чуть ли не равнодушен.

— Ксюш, пожалуйста.

Каренина, всегда такая темпераментная и горячая, проявила холодность, какую обычно изображает Наташа. Блондинка ничего не понимала. Но Ксюшу отпустить не собиралась.

— Ксень, — вновь произнесла Бородина. Ксюша проигнорировала, и было, собралась уйти. Наташа прильнула к ней, — ты никуда не уйдешь.

— И кто же меня удержит? — невесело усмехнулась Каренина.

В вопросе не было и нотки провокации.

— Ты проведешь эту ночь со мной, — прошептала Наташа, коснувшись губами уха, — я не дам тебе уйти, — она интимно обняла Ксюшу, давая понять насколько серьезно ее намерение.

— Ты сегодня моя, — их губы близко-близко и так далеко.

Внешне на Ксюшу эти слова не произвели никакого впечатления, но внутри стало теплее и вся ее холодность, весь ее лед растаял. И Наташа, и Ксюша чувствовали это (прогресс).

Каренина уже не предпринимала попыток смыться, она просто молчала и смотрела девушке в глаза. Наташа также долго ничего не говорила и внимала глазам Ксюши. Господи, какие они были робкие в этот момент! Какие ангельские! Наташа опустила взгляд ниже. Губы.

Ксюшины губы выглядели такими желанными и манящими! Девушка не смогла удержаться и осторожно коснулась их. Ксюша ответила. Наташа нехотя немного отстранилась и вновь посмотрела Ксюше в ее зеленые очи.

«Уже лучше», — подумала она.

В глазах теперь к ангельскому взгляду прибавились озорные огоньки и глаза заблестели обычным дьявольским завлекающим блеском. На губах появилась еле заметная трогательная улыбка. Немного смущенная. Такой Ксюшу Наташа, насколько она помнила, никогда не видела. Но эта новость еще сильнее заинтриговала девушку. Кстати, Наташа в эти мгновения сама изменялась.

«В тебе я вижу себя, — подумала Ксюша, — сейчас мы, как зеркала друг друга»

— Только ты и я... И ночь. Наша ночь, — вновь прошептала Наташа и на секунду замолчала. Она провела ногтем по губам Ксюши..

— Я больше не хочу ждать, — наконец произнесла Бородина, — я не могу ждать. Зачем мы мучаем друг друга? Чего мы ждем? — чуть понизив голос, она спросила, — ты хочешь меня? Ксюша смолчала. И ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она понимала, если что случиться, то обратной дороги нет.

— Я хочу сегодня стать как можно ближе к тебе, — тихо сказала Наташа, плотно примкнув к девушке.

Их тела соприкоснулись. Щелк. И словно невидимый, но осязаемый импульс пробежал по всему телу девушек.

— Я не хочу больше поцелуев. Я устала от них. Объятия, нежные слова, страстный шепот... Это уже все надоело, — она говорила искренне.

Слова лились из нее непрерывным потоком.

— Я хочу тебя, понимаешь, хочу. Я долго терпела, долго ждала. Думала, это пройдет... — Наташа сделала маленькую паузу, чтобы передохнуть и продолжила. Голос ее дрогнул, — это не проходит. Это желание жжет грудь со все большей силой. Это похоть, вождление, называй, как хочешь, не дает мне покоя. И потому я сегодня тебя никуда не отпущу... Сегодняшнюю ночь ты проведешь со мной, — ее колено приподнялось и коснулось того самого места.

Ксюша стиснула зубы, сдержав чуть не вырвавшийся стон. Все ее тело просто было наэлектризовано. Она понимала, что сама больше не хочет ждать, не может. Это было выше ее сил. Это было выше сил Наташи.

— Я хочу тебя, — страстным, нежным, слабым, неповторимым шепотом вымолвила Наташа. «Я пропала, — подумала Каренина, — мы пропали».

— Мосты сожжены, — Ксюша незаметно для себя произнесла эту фразу вслух.

Тихо-тихо. Наташа услышала. Бородину, да и Ксюшу, обуял легкий страх, который, воссоединившись с желанием, дал термоядерную смесь.

«Стоит только начать», — с легким ужасом пронеслось у Наташи в голове.

Наверное, это мысленно, через взгляд, передалось Карениной. Ксюша прикоснулась к Наташиным губам... Наташа, с несвойственной ей смелостью, ответила.

«Теперь мы погибли. И никто нас не спасет», — подумала девушка и тут же забылась в Ксюшиных объятьях.

Ее губы сводили Наташу с ума.

«Обратной дороги нет... Мосты сожжены, — снова подумалось Ксении, — да и к черту...»